

## К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКА ФИЛОСОФИИ (на материале текста Лешека Колаковского «Horror metaphysicus»)

С. С. Иванова, Пермский педагогический университет

В данной работе предлагается система параметров (впрочем, не претендующая на универсальность) для описания языка философии. Поясним, что, говоря о **языке философии**, мы имеем в виду не идеи философов о языке как таковом (об этом см., например, [2]) и не программы исправления философского словоупотребления (как в лингвистической философии), но *тот язык, «которым реально пользуются философы»* [1, с. 423]. Термины «язык философии» и «философский язык» в настоящей работе полагаются синонимичными.

По нашему мнению, язык философии следует считать вторичной моделирующей системой (Ю. Лотман), ибо он формируется на базе естественного языка как «первичного». Посредством языка философии, как и посредством естественного языка, происходит моделирование мира, создание языковой его картины [4, с. 62]. Специфика языка философии определяется спецификой самой философии как интеллектуальной практики.

И здесь мы исходим из того, что философия как интеллектуальная практика предполагает постижение, скорее, сущностей вещей, нежели момента их непосредственного существования [3, с. 72]. Философия притязает на универсальность, на охват общих закономерностей, присущих предметам [8, с. 674]. По мысли М. К. Мамардашвили, «практикующего» философа, философия занимается постижением бытия как такового, «на пределе» [5, с. 65]. Так, по замечанию М. Н. Эпштейна, философию интересует не то, как существует в мире конкретный язык, или яблоко, или чернильница, но то, как язык-вообще «язычествует», яблоко «яблокствует», а чернильница «чернильствует». Согласно М. Н. Эпштейну, философия не может удовлетворить «познавательную тоску» по единичному [8, с. 675 – 676].

Таким образом, предметами отображения (референтами) в практике философии выступают сущностные начала бытия, отсутствующие в рамках эмпирического опыта человека. Для того чтобы говорить о мире как таковом, философии приходится переступать границы «каждодневного» языка в стремлении выработать новый язык, отличный от «каждодневного» [3, с. 72]. По нашему мнению, можно утверждать, что философия выполняет метаязыковую функцию, осмысляя и до определенной степени расширяя возможности вербального языка. В этом смысле можно говорить о том, что

философия открывает двери, ведущие из языка или за язык (*poza język*) [9, s. 196].

Основу языка философии составляют «метафизические слова» (Р. Карнап), то есть вербальные знаки, указывающие на сущностные элементы мира. С точки зрения морфологии, такие знаки представляют собой, как правило, имена существительные с «абстрактной» семантикой, называющие совокупность предметов и явлений или отдельное явление, мыслимое как свойство, качество, состояние, действие. Ср., например, у современного польского философа Л. Колаковского (1927 – 2009): *Byt, Nicość, Absolut, rzeczywistość, dobro, zło* и др. С логико-семантической точки зрения, такие знаки являются не именными, но предикатными.

Характерной чертой знаков языка философии является наличие у них целого спектра вероятностных значений, приводящее к затрудненной интерпретации: такие знаки обладают семантической полифонией (Л. Чернейко) [7, с. 7], а язык философии предстает как «мягкий» язык.

Позволим себе небольшое отступление. По мнению В. В. Налимова, все существующие языки (включая языки искусств, математики и др.) возможно классифицировать в зависимости от характера их семантической структуры на «жесткие» и «мягкие». В «жестких» языках каждому знаку однозначно приписывается четко определенное значение / система значений. В «мягких» же языках знакам не приписывается жесткая система значений, напротив, спектр значений потенциально бесконечен [6].

Для того чтобы все же эксплицировать значения знаков, указывающих на не данные в эмпирии предметы, философы прибегают к «языковым играм» (Л. Витгенштейн).

а) Игра, основанная на бинарных оппозициях: философ сопрягает антонимичные по семантике слова в пары, выстраивая подчас цепочку таких пар. Ср. у Л. Колаковского: <...> *jak odróżnić rzeczywiste od nierzeczywistego, prawdę od fałszy, dobro od zła* <...> (как отличить действительное от недействительного, истину от лжи, добро от зла) [9, s. 195]. И тогда значение одного из членов оппозиции мыслится как противоположное значению другого члена, и наоборот.

б) Игра, основанная на определении исходного знака посредством других «метафизических слов». Так образуются системы, где термины интерпретируются исключительно друг через друга – своего рода «семиозис терминов». Например: *Skoro więc Absolut, jak czas – jego wróg wciąż żywy, choć pokonany – nie poddaje się pojęciowej redukcji do*

*czegokolwiek innego, to imię jego, jeśli je ma, Nic* [9, s. 237]. По существу, причиной «метафизического ужаса», о котором говорит Колаковский, является как раз трудность (или невозможность?) дифференциации, разграничения *Absolut* и *Nic*.

в) Игра, основанная на приписывании предикатов (имен свойств и отношений) к знаку, обозначающему не данные в эмпирии вещи. Например: *Absolut jest niezłożony jak geometryczny punkt; Jest więc równie beczasowy jak matematyczne równanie* [9, s. 222].

1. Автономова, Н. С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров / Н. С. Автономова – М., 2009.
2. Береснева, Н. И. Язык и реальность / Н. И. Береснева. – Пермь, 2004.
3. Бразговская, Е. Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста) / Е. Е. Бразговская. – Пермь, 2006.
4. Бразговская, Е. Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры : учебное пособие / Е. Е. Бразговская. – Пермь, 2008.
5. Мамардашвили, М. К. Философские чтения / М. К. Мамардашвили. – М., 2002.
6. Налимов, В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков / В. В. Налимов. – М., 1979.
7. Чернейко, Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – М., 2010.
8. Эпштейн, М. Н. Эссенстика как нулевая дисциплина / М. Н. Эпштейн // Все эссе : В 2 т. Том 2 : Из Америки / М. Н. Эпштейн. – Екатеринбург, 2005.
9. Kołakowski, L. Jeśli Boga nie ma... Horror metaphysicus / L. Kołakowski. – Kraków, 1999.